ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1986

АМАНЖОЛОВ А. С.

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Древнетюркские памятники рунического, манихейского и уйгурского письма VII—XI (XIII) вв., как это вполне установлено, своеобразно отражают единое во множестве — древнетюркский язык в его диалектных проявлениях. Диалектные различия памятников древнетюркской письменности выступали в фонетических (орфографических), лексических и некоторых грамматических отклонениях, не затрагивая, однако, основного словарного фонда и грамматического строя древнетюркского языка. В. В. Радлов отмечал: «Древнетюркский язык, судя по всем до сих пор представленным древним языковым памятникам из далекого Востока, был почти единым, так что диалектные различия особенно из-за уйгурского письма, недостаточного для точной звуковой передачи, можно разглядеть только при педантично тщательном сравнении орфографии письменных памятников в единичных, едва заметных на глаз отклонениях» [1, с. 427; всюду перевод наш — *А. А.*].

Тюркская руническая письменность широко употреблялась на территории Центральной Азии и сопредельных областей, преимущественно в тюркском каганате (VI — VIII вв.), в его восточной и западной частях. В это объединение входили различные племена — кыпчаки, огузы, карлуки, уйгуры, татары, курыканы, тюргеши, чики, басмылы и др. Слово *türk* с исходным нарицательным значением «сильный, могучий» (зафиксировано в древнеуйгурских письменных памятниках) стало обозначением правящей этнополитической группировки в тюркском каганате [2]. Уместно заметить, что в XI в. Махмуд Кашгарский употребляет этнический термин *türk* как для обозначения собственно «тюрков» (в отличие от племен туркмен, огузов, кыпчаков, аргу, кыргызов и др.), так и по отношению к тюркоязычным племенам вообще.

Язык тюркской руники, будучи языком письменно-литературным, несомненно складывался на основе близких диалектов ряда древних племен и племенных союзов, вошедших ныне в этнический состав многих тюркских народов. Этот язык значительно отошел в своем развитии от общетюркского или прототюркского состояния, отдельные черты которого могут сохраняться и в современных тюркских языках, например, в якутском. Язык тюркских рунических памятников VII—IX вв., как признает А. Н. Кононов, находился под сильным влиянием древнетюркских диалектов или племенных языков — огузского и уйгурского [3, с. 40]. Более того, принимая во внимание некоторые графические, и, соответственно, фонетико-морфологические различия в языке рунических памятников, А. Н. Кононов считает, что надпись в честь Кюль-Тегина составлена на диалекте господствующего племени ашина («огузско-уйгурский тип»), а надпись Тоньюкука — на диалекте племени ашиде («чисто огузский тип») [3, с. 40—41].

Во второй половине I тысячелетия н.э. у тюркоязычных племен Средней Азии и Восточного Туркестана имели распространение манихейский и согдийский алфавиты. Из новосогдийского письма в VIII в. возникло уйгурское алфавитное письмо. В VIII—X вв. к тюркоязычным племенам проникали также древнеиндийское письмо «брахми» (в переводах на тюркский санскритских текстов) и его видоизменение — тибетское письмо.

Древнетюркские памятники манихейского письма (переводные в своей массе с среднеперсидского или согдийского языков) создавались прежде

всего среди западных «десятиплеменных» тюрков (*on uq*) — «десятиплеменных уйгуров» (*on ujγur*) или тюргешей (*turgäš, turgiš*), а затем уже переписывались и распространялись среди восточных тюрков — «девятиплеменных огузов» (*toquz oγuz*) или «девятиплеменных уйгуров» (*toquz ujγur*). Не случайно в древнетюркских манихейских текстах отразилась этнонимика и топонимика Семиречья и Кашгарии [4]. В. В. Радлов с полным основанием отметил: «Собственно все эти писания, как доказывает Chuastuani(f)t, составлены не на уйгурском языке, а на одном из западных диалектов и были уже готовыми введены в употребление в Восточном Туркестане, и именно, на манихейской письменности» [5]. Интересен трехъязычный уйгурский памятник из Кара-Балгасуна на Орхоне (795 г.), имеющий тюркскую руническую, китайскую и согдийскую надписи, где говорится о борьбе уйгуров с карлуками и тибетцами и о принятии манихейства.

Памятники древнеуйгурской письменности тесно примыкают как в языковом отношении, так и хронологически к тюркским руническим памятникам. А. Н. Самойлович особо подчеркнул их близость: «Памятники енисейско-орхонской и уйгурской письменности не дают, по-моему, достаточно доказательств в пользу существования основных различий между языками этих двух письменностей, и я потому не склонен резко разграничивать эти языки, хотя, конечно, не могу отрицать за каждым из них некоторых особенностей» [6].

Древнеуйгурская письменность в VIII—XIII вв. имела широкое распространение у многих тюркских племен и народностей Центральной и Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана. Уйгурским (*resp.* согдийским) письмом написаны многочисленные покаянные молитвы и религиозные трактаты христианского, манихейского и буддийского содержания (переводы с согдийского, тохарского, китайского, тибетского языков), юридические и медицинские документы, календари и т. п.

Первую попытку классифицировать древнетюркские диалекты по памятникам письменности сделал В. В. Радлов в пятом выпуске «Древнетюркских этюдов» [1]. Он делит язык древнетюркских памятников на северный, южный и смешанные диалекты. К древнему северному диалекту, или «языку тюрков-сиров», им отнесены все памятники тюркской руни ческой письменности, к древнему южному диалекту, или «уйгурскому языку»,— рукописи сутры «Raja(va)vādaka», документы уйгурского курсивного письма из Турфана и гератская рукопись «Кутадгу билиг». В. В. Радлов отмечает некоторые фонетические и морфологические различия южного и северного диалектов, важнейшие из них: 1) назализация начального *b* > *m* под влиянием носового *n* или *ŋ* (*bän* > *män* «я», *baγa* > > *maγa* «мне», *biŋ* > *miŋ* «тысяча») в южном диалекте; 2) в южном диалекте существуют исходный падеж на *-tïn, -tin, -dïn, -din* и местный падеж на *-ta, -tä, -da, -dä* в отличие от нерасчлененного местно-исходного падежа на *-ta, -tä, -da, -dä* в северном диалекте.

Так называемые «смешанные диалекты» с языковыми признаками, характерными как для северного, так и для южного, в свою очередь, делятся на два диалекта — западный, или «язык западных тюрков» (тюркские памятники манихейского письма, манихейские сочинения на уйгурском алфавите, каирская рукопись «Кутадгу билиг» на арабском алфавите), и восточный, или «весь древний литературный язык» (тюркские переводы буддийских сочинений «Maitrisimit», «Suvarṇaprabhāsa», «Ṭišastvustik», «Saddharmapuṇḍarīka» и др.).

Рассмотренная классификация древнетюркских диалектов по памятникам письменности, в сущности, остается недоказанной, хотя и оказала влияние на последующие попытки. Естественно, в ней не учтен выдающийся филологический труд на арабском языке «Диван тюркских языков» Махмуда Кашгарского (XI в.), обнаруженный в начале нашего столетия в Турции [1].

В своей «Древнетюркской грамматике» А. Габэн [8] взяла за основной

[1] Нами использовано узбекское издание трехтомного «Дивана» Махмуда Кашгарского [7].

критерий выделения древнетюркских диалектов различие звуков *ñ* (*nj* — имеет специальное обозначение в орхонских надписях), *n* и *j* в инлауте и ауслауте некоторых основ, например: *añïγ*, *anïγ* и *ajïγ* «дурной, злой зловредный», *čïγañ*, *čïγan* и *čïγaj* «бедный, неимущий», *jañ-* и *jaj-* «разогнать, рассеять; побеждать», *qoñ* и *qoj* «овца».

По наблюдению Махмуда Кашгарского, в XI в. представители племени аргу в отличие от собственно тюрков регулярно заменяли звук *j* в середине или конце слова на *n* [7, I, с. 67]. Кроме того, аргу произносили *oγla* вместо *oγlan* «мальчик, подросток» [7, I, с. 149] и жили в районах Исфиджаба (Сайрам), Тараза (Таласская долина) и Баласагуна (Чуйская долина). Этноним *argu* сохранился в родоплеменном названии *аргын* у современных киргизов, казахов, каракалпаков, туркменов и некоторых других тюркских народов.

Согласно А. Габэн, тюркские рунические надписи зафиксировали *ñ*-диалект, большинство рукописей манихейского содержания и некоторые рунические рукописи зафиксировали *n*-диалект (сближается с *ñ*-диалектом), а буддийские, позднеманихейские и многочисленные светские рукописи — *j*-диалект. Рукописи на индусском алфавите брахми и рукописи христианского содержания на уйгурском алфавите также тяготеют к *j*-диалекту.

В другой своей работе А. Габэн [9], ссылаясь на Махмуда Кашгарского, отметила принадлежность *n*-(*ñ*) диалекта западнотюркским племенам — аргу, кыпчакам, огузам (гузам) и другим, а *j*-диалекта — древним уйгурам. Вероятно, данное диалектное различие развилось из первоначального звука *ñ тюркского протоязыка*.

Примечательно, что в якутском языке звук *ñ*(*nj*) часто соответствует древнетюркскому звукосочетанию *nč*. Ср. якут. *as-* ~ *añar-* (*ac-* ~ ~ *аньар-*) «колоть, заколоть, пронзить» и др.-тюрк. *sanč-* «1. колоть, вонзать, втыкать; 2. побеждать, поражать» (в древнеуйгурских текстах представлен также другой вариант этого слова *saj-* «прокалывать, пронзать», ср. кирг. *чанч-* ~ *сай-* «колоть, вонзать, прокалывать, пронзать»), якут. *siñigäs* (*сиҥиҥэс*) «тонкий» и др.-тюрк. *jinčgä* «тонкий».

Соответствие *ñ* ~ *nj* представлено в двух вариантах имени ханского наставника Тоньюкука — *tuñuquq* (памятник Тоньюкука) и *tunjuquq* (памятники Бильге-кагана и Моюн-Чура). На основе соответствия *n*(*nj*) ~ *nč* можно связать слово *tuñuquq* ~ *tunjuquq* с глаголом *tunčuq-* «печалиться, задохнуться, оцепенеть от горя» (ср. *är tunčuqtï* «мужчина опечалился» [7, II, с. 264]). В таком случае имя Тоньюкука представляет собой отглагольное прилагательное (**tuñuq-*, **tunjuq-*, соответственно *tunčuq-* + аффикс именного словообразования *-uq*) со значением «печальный, опечаленный».

Древнее фонетическое соответствие *ñ*(*nj*) ~ *nč*, по отношению к которому якутский язык обнаруживает наибольшую архаичность, проявилось и в генетической связи орхонского знака для *ñ* с орхоно-енисейскими знаками для *nč* [10].

С. Е. Малов [11] связывал классификацию древнетюркских памятников с языковыми особенностями рунической, уйгурской и арабской письменностей, сменяющих друг друга. Основным критерием древности при делении тюркских языков на древнейшие, древние, новые и новейшие у С. Малова является глухость—звонкость, окончание прошедшего времени *-tï* вместо *-dï* после гласных, звонких и сонорных согласных, звуки *t*, *d*, *z* вместо *j* (в словах типа *ataḫ* ~ *adaq* ~ *azaq* ~ *ajaq* «нога»). По этой классификации язык рун («огузский язык») и древнеуйгурский язык (V—XIII вв.) отнесены к древним тюркским языкам, вместе с тофаларским (карагасским), тувинским, хакасским и шорским, в то время как печенежский язык (рунические надписи на золотых сосудах в Венгрии — IX—X вв.) и кыпчакский язык (арабские грамматики XI—XIV вв.) — к новым тюркским языкам.

По ретроспективной классификации Н. А. Баскакова [12, 13], древнетюркский язык енисейско-орхонских надписей и древнеуйгурский язык вместе с современным тувинским и карагасским языками (по признаку

adaq) отнесены в уйгуро-тюкюйскую подгруппу уйгурской группы восточнохуннской ветви тюркских языков, а язык «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Диван лугат-ат-тюрк» Махмуда Кашгарского, «Хибат ал-хакаик» Югнеки, «Кысас ал-анбия» Рабгузи и литературный язык Золотой Орды — к карлукско-уйгурской подгруппе карлукской группы западнохуннской ветви тюркских языков. Древнетюркский язык, или язык древнетюркских письменных памятников Центральной и Средней Азии, как полагает Н. А. Баскаков [14], подразделяется на древнеогузский, древнеуйгурский и древнекиргизский языки (название «древнекиргизский язык» предложено по отношению к языку енисейских рунических надписей).

А. М. Щербак [15] выделяет в языке древних тюрков Восточного Туркестана два диалекта — «уйгуро-огузский» и «карлукский» или «карлукско-уйгурский» по противопоставлению *n*-основ и *j*-основ, йокания и джекания, а также некоторых морфологических признаков, отмеченных А. Габэн. К уйгуро-огузскому диалекту он отнес все памятники уйгурской и манихейской письменностей из Турфана, а к карлукскому диалекту — «Кутадгу билиг», «Хибат ал-хакаик», уйгурскую версию истории принцев Кальянамкара и Папамкара, легенду об Огузе, соответствующие места «Дивана» Махмуда Кашгарского, часть текстов на алфавите брахми и «Кысас ал-анбия» Рабгузи. Однако живые диалекты огузов, карлуков и кыпчаков не противопоставлялись друг другу по признаку *j* — *ǯ*, они известны преимущественно как джекающие (ср. переход начального *j* в *ǯ*, *ž* перед узкими гласными в современном уйгурском языке).

В языке западных тюрков, как обнаруживается из греческих, армянских, арабских и китайских источников VI—VIII вв., было известно употребление аффрикаты *ǯ* вместо щелевого среднеязычного согласного *j* в начале слова, например, *ǯabγu* ~ *jabγu* (титул), *ǯoγ* ~ *joγ* «погребение, похороны», *ǯajïq* «река Яик» [16]. Отмечая в древнетюркском языке йокающий (восточный) и джекающий (западный) диалекты, А. Н. Бернштам высказал оригинальное предположение, что «язык руники вообще будет, по всей вероятности, отражать йокающий диалект, так как это письмо и язык господствующего класса тех племен, где джекание не было известно» [16, с. 24].

Джекание, по свидетельству Махмуда Кашгарского, было характерно для языков (диалектов) огузов и кыпчаков. Кыпчаки, в свою очередь, входили в состав «халаджей» или «халачей» — *ḫalač* [7, III, с. 237—238]. Представляется несомненной трансформация данного этнонима в *алаш* (*алач*) — синоним названия «казах» в казахских и киргизских легендах [17].

В отличие от собственно «тюрков» Махмуда Кашгарского, огузо-туркмены и кыпчаки заменяли начальный *j* на *ǯ*(*jinčü* «жемчуг», *joγdu* «длинный верблюжий волос», *jätti* «он догнал» — *ǯinčü*, *ǯoγdu*, *ǯätti* [7, II, с. 364], ср. в современном уйгурском *үнчә*, *джоғдай*, *йәтти*, в казахском *інжу*, *шуда*, *жетті*), начальный *m* на *b* (*män* «я», *mün* «бульон, суп» — *bän*, *bün* [7, I, с. 67]), начальный *q* на *ḫ* (*qaju* «который», *qïzïm* «моя дочь», *qanda* «где» — *ḫaju*, *ḫïzïm*, *ḫanda* [7, III, с. 237—238]), *w* на *v* (*äw*, «дом», *aw* «охота» — *äv*, *av* [7, I, с. 68]) и т. д.

Слова *adaq* «нога», *adγïr* «жеребец», *ädgü* «добро; хороший», *käd* «очень», *adïr-* «разделять», *tod-* «насыщаться» и т. д. в памятниках рунического письма обычно транскрибируются со смычным зубным звонким согласным звуком *d*, а в памятниках уйгурского письма и в арабских рукописях «Кутадгу билиг» — с щелевым межзубным согласным δ: *aδaq*, *aδγïr*, *äδgü*, *käδ*, *aδïr-*, *toδ-* и т. д. По этому признаку язык древнетюркских памятников сближается с якутским (*ataḫ*) и тувинским (*adaq*), с языками *z*-группы (*azaq*) — хакасским, шорским и сарыг-югурским (язык желтых уйгуров), но отличается от большинства других современных тюркских языков, которые являются *j*-языками (*ajaq*, *ajγïr*, *ajïr-*, *toj-* и т. д.). С. Е. Малов, относя вслед за В. В. Радловым и П. М. Мелиоранским памятники древнетюркской письменности к языкам *d*- группы, писал: «Для Центральной Азии переходным временем для замены письма вместе с ре-

лигией и даже языком (вместо „д"-языка тюрки переходили на „й"-язык) были приблизительно XI—XIV вв.» [18].

О диалектном делении древнетюркского языка в XI в. по признаку δ—*z*—*j* имеется указание Махмуда Кашгарского [7, I, с. 68]. Согласно его наблюдениям, в языке племени чигиль и прочих «тюрков» звук δ сохранялся (*aδaq* «нога», *qaδïj* «береза»), в языке племен йемек, сувар, булгар, у части кыпчаков и других племен на западе этот звук переходил в *z* (*azaq*), а в языке племен ягма, тухси, кыпчак, ябаку, кай, татар, чумул, огуз и у части аргу на востоке — в звук *j* (*ajaq*, *qajïγ*). Вместе с тем он отметил свободное чередование звуков *d* ~ δ в словах типа *qadγu* ~ *qaδγu* «печаль, горе, скорбь», *qodï* ~ *qoδï* «вниз», *quduγ* ~ *quδuγ* «колодец», *qudruq* ~ *quδruq* «хвост», *adaš* ~ *aδaš* «друг», *jadaγ* ~ *jaδaγ* «пеший», *daγ* ~ ~ *δaγ* «не» (отрицательная частица в языке племени аргу), *ud* ~ *uδ* «корова» (в языке чигилей и прочих «тюрков»), *bod* ~ *boδ* «туловище, стан; рост», *bädük* ~ *bäδük* «большой», *düdik* ~ *büδik* «танец», *käd* ~ *käδ* «особый, особенный, отменный», *öd* ~ *öδ* «время» и т. д. Следовательно, как уже было замечено нами [19], звуки *d* и δ в древнетюркском языке не противопоставлялись друг другу и употреблялись как варианты одной фонемы *d*.

Тюркские рунические надписи, вероятно, не отражали (или отражали крайне непоследовательно?) звуковой переход *š* > *s* в инлауте и ауслауте, получивший распространение в казахском, каракалпакском, ногайском, сарыг-югурском, хакасском и якутском языках. Взаимозаменяемость знаков для *š* и *s*, как отметил В. В. Радлов, является орфографической особенностью тюркских рунических памятников [20].

Недостаточно точная передача фонетического строя древнетюркского языка различными алфавитами (особенно уйгурским) очень затрудняет классификацию. Так, в уйгурском письме не различались согласные *q* и *γ*, *k* и *g*, *t* и *d*, *p* и *b*, *s* и *z*, *š* и *ž*, *č* и *ǯ*, иногда *š* и *s* (в «Хуастуанифт» *š* постоянно обозначается как *s*).

В тюркских рунических и древнеуйгурских памятниках графически можно наблюдать кажущееся колебание звуков *ä* и *i*, например, в словах *el* «племенной союз» (графически *äl* или *il*), *eki* «два» (*äki* или *iki*), *jer* «земля» (графически *jär* или *jir*) и др. По всей вероятности, различное написание слов, подобных перечисленным (иногда в одних и тех же текстах), своеобразно отражает корневой звук *e* — закрытый вариант широкой гласной фонемы *ä* [21], но не свидетельствует о делении орхоно-енисейских древнетюркских текстов по диалектному признаку *ä*(*e*)—*i*, как полагал И. А. Батманов [22—24]. Спорность точки зрения И. А. Батманова по данному вопросу отмечена А. М. Щербаком [25].

Принимая доводы В. Томсена, который подметил наличие гласного звука *e* в корневом слоге и соответственно транскрибировал орхоно-енисейские надписи (например, *jer*, а не *jär* и *jir*), В. В. Радлов пришел к очень важному заключению: «...так как переход *e*//*i* в современных волжских наречиях представляет собой более новое изменение, то мы вправе согласиться, что в этих словах всех древнетюркских диалектов следует произносить *e*» [1, с. 428]. Однако транскрипция древнетюркских текстов, приведенных в исследованиях С. Е. Малова, как правило, не отражает корневой гласный звук *e* (*é*). Может быть, это и послужило основанием для ошибочного вывода о том, что орхоно-енисейские (а также таласские) рунические памятники «отражают два явно выраженных наречия: „э" и „и" (ср. *эл* и *ил* — народ, племенной союз)» [24].

Весьма спорным представляется мнение О. Прицака [26] относительно употребления широких гласных вместо узких в непервом слоге и в некоторых аффиксах (*a* вм. *ï*, *ə* вм. *i*), якобы характеризовавшего «тюркютский» диалект или язык рунических надписей тюркского каганата и рукописи рунического письма «Ырк битиг», например: *aŋaγ* «плохой» вм. *anïγ* (*n*-диалект в рассмотренной ранее классификации А. Габэн) и вм. *ajïγ* (*j*-диалект или уйгурский диалект, согласно А. Габэн и О. Прицаку), *kältəməz* «мы пришли» вм. *kältämäz* (*n*-диалект) и вм. *kältimiz* (уйгурский диалект). Употребление в аффиксах широких гласных (*a*, *ä*) вм. узких (*ï*, *i*), как уже отметила А. Габэн, отразилось во многочисленных рукопи-

сях манихейского содержания, относящихся к *n*-диалекту. Примечательно, что именно в *n*-диалекте твердо фиксируется *anïγ*, хотя этому диалекту больше соответствовало бы гипотетическое *anaγ* (по аналогии с гипотетическим звучанием *añaγ*). Об отсутствии колебания звуков *ï* и *a* в слове *añïγ* «дурной, злой, зловредный (плохой)» убедительно свидетельствуют орхонские надписи — $^{a}\tilde{n}^{i}\gamma$ («Памятник в честь Кюль-Тегина», стк. 3, 5, 7) или $^{a}ni\gamma$ («Памятник Тоньюкука», стк. 34). Здесь, как и вообще внутри слова, рунический знак для гласных *ï* и *i* встречается редко (всем, кто непосредственно занимался изучением тюркской руники, эта особенность употребления хорошо известна), однако отсюда никак не следует, что редко обозначаемые графически внутри слова негубные узкие гласные *ï* и *i* должны восприниматься в качественно преображенном виде — как негубные широкие гласные *a* и *ä*.

Правда, Махмуд Кашгарский обратил внимание на то, что огузы, кыпчаки, сувары и другие племена на западе иногда заменяют в аффиксах «кясру» (*ï*, *i*) на «фатху» (*a*, *ä*), в отличие от тюрков, например, говорят *bardam* вм. *bardïm* «я пошел» [7, III, с. 153]. Нам думается, однако, что «фатха» в аффиксе прошедшего категорического времени отражает не качественно другую фонему, а редуцированный (сверхкраткий) произносительный вариант негубного узкого гласного *ï* [ị] или *i* [ị]. Аналогичные звуки представлены в современном казахском, хакасском, татарском, башкирском (графически *ы* и *і* ≈ *е*) и чувашском (графически *ӑ* и *ĕ*) языках. Редукция узких негубных согласных, развившаяся в ряде современных тюркских языков, зафиксирована, можно полагать, в диалектах огузов и кыпчаков в XI в. Последние, как известно, тогда были джекающими. Следовательно, у нас нет оснований распространять данное явление на язык тюркских рунических памятников.

Характерно, что А. Н. Кононов, хотя и одобрительно оценивает приведенный взгляд О. Прицака на древнетюркскую фонетику, все же на практике придерживается традиционного взгляда. Так, в своей исключительно ценной монографии, обобщающей весь накопленный опыт изучения тюркской руники, он констатирует: «Однако, ввиду того, что трудно с полной определенностью установить, какие из ТРП (тюркские рунические памятники.— *А. А.*) полностью сохраняли огласовку широкими гласными и какие из них были огласованы узкими гласными, мы вынуждены принять т р а д и ц и о н н у ю транскрипцию ТРП» [3, с. 40].

Отдельные фонетические (графические) и морфологические отклонения в языке памятников древнетюркской письменности обусловлены не только влиянием разных племенных диалектов, но и динамикой развития одного, можно полагать, опорного диалекта. Разнообразные ранние диалектные напластования, локальная и хронологическая неоднородность памятников, архаичность древней языковой нормы и ограниченное влияние живой тюркской речи — все это способствовало тому, что язык тюркских рунических надписей и его прямой наследник — язык древнеуйгурских буддийских рукописей (древнеуйгурский литературный язык), как и следовало ожидать, принимают «наддиалектный характер» [27, 28, 29]. Диалектная классификация памятников древнетюркской письменности и сближение их с некоторыми современными тюркскими языками на основе какого-нибудь фонетического (соответственно грамматического) признака остаются в известной мере предположительными.

Особенности употребления отдельных языковых единиц в рунических и древнеуйгурских текстах, несмотря на недостаточность их различительных языковых признаков, позволили Л. Ю. Тугушевой сделать вывод о наличии функциональных сдвигов в древнеуйгурском литературном языке, качественно отличающих последний от «орхоно-тюркского» [30]. Всестороннее выявление наиболее существенных разграничительных признаков древнетюркских диалектов даст возможность глубже понять особенности исторического развития тюркских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Radloff W.* Alttürkische Studien. V. Die alttürkische Dialekte.— Известия АН, 1911, VI серия, т. V, № 6.
2. *Németh J.* Der Volksname *Türk.*— Körösi Csoma-Archivum, 1926, Bd. II, 4, S. 275.
3. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
4. *Le Coq A. von.* Türkische Manichaica aus Chotscho. I.— APAW, 1911, Abh. VI.
5. *Radloff W.* Alttürkische Studien, IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte.— Известия АН, 1911, VI серия, т. V, № 5, S. 323.
6. *Самойлович А.* [*Н.*] Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922, с. 7.
7. *Маҳмуд Кошғарий.* Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк). Т. I—III. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, 1960, 1961, 1963.
8. *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. 2. verbesserte Aufl. Leipzig, 1950, S. 3—8, 53.
9. *Gabain A. von.* Alttürkische Schrifttum.— SBAW (Berlin), 1950, Phil.-hist. Kl., № 3, S. 21—22.
10. *Аманжолов А. С.* Тюркская руническая графика (методическая разработка). Алма-Ата, 1980, с. 21—22.
11. *Малов С. Е.* Древние и новые тюркские языки.— ИАН ОЛЯ, 1952, № 2.
12. *Баскаков Н. А.* К вопросу о классификации тюркских языков.— ИАН ОЛЯ, 1952, № 2.
13. *Баскаков Н. А.* Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования.— Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1952, т. I.
14. *Баскаков Н. А.* Об унификации названий древних и средневековых письменных тюркских языков.— В кн.: Тюркологический сборник. 1977. М., 1981, с. 24—25.
15. *Щербак А. М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.— Л., 1961, с. 23—26, 30.
16. *Бернштам А.* [*Н.*] О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии.— В кн.: Памяти академика Н. Я. Марра (1864—1934). М.— Л., 1938.
17. *Аманжолов С. А.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 40.
18. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951, с. 221.
19. *Аманжолов А. С.* К генезису тюркских рун.— ВЯ, 1978, № 2, с. 77, примеч. 10.
20. *Radloff W.* Die alttürkische Inschriften der Mongolei. Neue Folge. SPb., 1887, S. 19.
21. *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées.— MSFOu, 1896, t. V., p. 14—16.
22. *Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф.* Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, с. 45—50.
23. *Батманов И. А.* Следы говоров в языке памятников орхоно-енисейской письменности.— В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 118—119.
24. *Батманов И. А.* Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках.— В кн.: Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Фрунзе, 1971, с. 12—13, 24—25.
25. *Щербак А. М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения.— В кн.: Тюркологический сборник. 1970. М., 1970, с. 130.
26. *Pritsak O.* Das Alttürkische.— In: Handbuch der Orientalistik. 5. Bd. Altaistik. 1. Abschn.— Türkologie. Leiden — Köln, 1963.
27. *Тенишев Э. Р.* О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников.— В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 164, 170—171.
28. *Тенишев Э. Р.* Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских надписях.— СТ, 1976, № 1, с. 33.
29. *Тенишев Э. Р.* Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте.— ВЯ, 1979, № 2, с. 81—82.
30. *Тугушева Л. Ю.* Орхоно-тюркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие.— В кн.: Тюркологический сборник. 1974. М., 1978, с. 124.